

Выслушав это, один кивал, словно молотил рис, ничего не понимая, а другой, с деловой улыбкой, хлопнул себя по груди, обещая оправдать ожидания.

Тан Шаотан был в недоумении.

Если так пойдёт дальше, разве это будет слава? Скорее позор на веки вечные.

Он всё ещё был неопытен, не умел красиво говорить и не знал, как возразить. Его буквально ошеломила абсурдная логика А Цзю о «славе в веках», изложенная в трёх словах.

Он сжал губы и, нехотя, назвал своё имя:

— Тан Шаотан.

Всего три бессвязных слова, но А Цзю мгновенно уловил смысл.

— Тан Шаотан? А последний иероглиф какой?

Тан Шаотан только собрался объяснить, как А Цзю, прищурив глаза, с улыбкой обернулся:

— Имя довольно милое.

Тан Шаотан: «...»

Он на мгновение застыл, отвлёкся. Под его обычно холодным, суровым лицом промелькнуло мимолётное тепло.

Он думал, что А Цзю — очень странный человек. Его слова были то правдой, то ложью, он любил смеяться, шутить и болтать, то приближаясь, то отдаляясь от других, и с ним самим тоже.

Но он чувствовал, что сам ещё более странный. Он, убийца, вдруг ощутил, что жизнь А Цзю, такая яркая и свободная, кажется ему чем-то прекрасным.

А Цзю, казалось, обладал неким качеством, о котором он сам не смел, не мог и не умел даже мечтать вслух.

А Цзю, небрежно закончив свою болтовню, тут же забыл о ней и, наклонившись к Фань Сяо, сказал:

— Ладно, теперь ты всё знаешь...

Услышав это, Фань Сяо раскрыл рот, чтобы вставить слово, но А Цзю уже продолжил:

— Теперь отнесём гроб к тебе домой?

Фань Сяо проглотил слова и с недоверием вытаращил глаза, сменив тему на жалобу:

— Что?? Ты вообще в своём уме?

А Цзю: «...»

Он медленно похлопал Фань Сяо по круглой голове, представив на мгновение, как та

разлетается на части, и лишь тогда восстановил душевное равновесие, позволив сорванцу продолжать болтать без умолку.

Фань Сяо же принял вид малолетнего мудреца и начал поучать А Цю:

— Перед тем как закопать гроб, нужно заказать надгробие, найти учёного, чтобы написать текст, и отдать его резчику. Кстати, кто из вас хорошо пишет?

Фань Сяо, в отличие от своего брата Фань Мина, который был тихим книжником, всегда с книгой в руках, с детства был непоседой, больше всего на свете не любил заниматься каллиграфией в кабинете, предпочитая ловить и стравливать сверчков во дворе, поэтому его мастерство в письме сильно уступало сверстникам из схожих семей.

Увидев, что А Цю и Тан Шаотан примерно одного возраста с его братом, он счёл само собой разумеющимся, что один из взрослых должен взять на себя обязанность написать текст.

А Цю без колебаний указал на Тан Шаотана, щедро уступив ему эту честь:

— Он пишет красиво.

Тан Шаотан слегка удивился неожиданной скромности А Цю, но не стал ни распространяться, ни отказываться, лишь молча кивнул в знак согласия.

Фань Сяо:

— Тогда пошли, по дороге купим кисти и чернила и найдём резчика.

Перед самым уходом Фань Сяо осенило, он вдруг повернулся и, указывая на А Цю, вытащил наружу тот вопрос, который раньше проглотил, и выпалил:

— Подожди, я хотел спросить не это! Ты всё перепутал!

А Цю:

— Маленький нахал, что ты хотел спросить?

Тан Шаотан поднял глаза, задумчиво глядя на А Цю.

Этот человек всегда казался нетерпеливым, недовольным, но часто поступал вопреки своему настроению.

Например, сейчас: он терпеливо спрашивал, терпеливо слушал, не срывался и не злился.

Фань Сяо, указывая на Тан Шаотана, спросил А Цю:

— Ты же спрашивал, какой иероглиф в его имени? Он тебе не ответил, как же ты сказал «теперь ты всё знаешь»? Вы, взрослые, так спустя рукава всё делаете, начали за здравие, а кончили за упокой?

А Цю скривился, не желая спорить с ребёнком.

Он просто притворился, что не в курсе, и спросил для виду, что тут выяснять? В конце концов, какой бы иероглиф ни был, звучит-то одинаково.

Кроме того, Глава павильона не только знал, какой это иероглиф, но и то, что он взят из имени матери Тан Шаотана — Хайтан.

Молчаливый Тан Шаотан, достаточно долго глядя на А Цзю, впервые попытался выручить.

Однако ничего путного в голову не пришло, и он лишь сделал вид, что торопит.

— Пошли.

А Цзю подхватил:

— Быстрее, быстрее. — И зашагал вперёд, уставившись себе под ноги и полностью игнорируя Фань Сяо, который продолжал тараторить у них за спиной.

Если бы Фань Сяо умел отступать перед трудностями, он бы не был Фань Сяо.

Он, запыхавшись, бегом догнал быстро идущих двоих, развёл руки в стороны, чтобы их остановить, и нарочито закатил глаза, с важным видом изображая зрелость, с глубоким вздохом сказав им:

— У вас вообще есть опыт в мире боевых искусств? Мы слишком заметны, слишком заметны! Нас обнаружат! Если Павильон Ушоу решит, что мы пришли разрушать их планы, что тогда делать!

А Цзю и так пришёл лично разрушать планы Павильона Ушоу. Он и не боялся раскрыть себя перед предателями из Павильона. В конце концов, рано или поздно их накажут по правилам павильона, он мог бы и без Тан Шаотана заранее прикончить их всех.

Тан Шаотан тоже не беспокоился о том, что Павильон Ушоу считает его занозой в глазу. Он и так ею был.

Поэтому они действительно оба не подумали о том, чтобы действовать скрытно. Но слова Фань Сяо, хоть и дерзкие, были не лишены смысла. Чтобы поймать большую рыбу, нужна длинная леска; если удастся скрыть свои намерения подольше, это, несомненно, принесёт больше пользы, чем вреда.

Что касается упомянутого Фань Сяо опыта в мире боевых искусств...

Тан Шаотан не мог спорить, у него его действительно не было.

А А Цзю, по какой-то причине, хоть и улыбался с трудом, тоже не стал возражать.

Фань Сяо, поставив обоих в неловкое положение, воодушевился и, переполненный уверенностью, разошёлся не на шутку:

— Маскировку понимаете?

А Цзю:

— Естественно.

Он, конечно, понимал, раз уж сам Глава павильона снизошёл до того, чтобы переодеться в вора-могильщика.

Тан Шаотан:

— Угу.

Кажется, он тоже понимал, раз уж он, убийца из Павильона Радужных Одежд, проник в Павильон Ушоу.

Огонёк надежды в глазах Фань Сяо был мгновенно потушен их уверенными взглядами, и он внутренне закричал: «Вы вообще ничего не понимаете!»

Благодаря своему отцу, Фань Цзэчэну, Фань Сяо многое повидал, с малых лет ему выпадало немало возможностей встретить самых разных людей.

Он знал, что в мире есть два типа людей, которые могут ничего не понимать, не иметь ни капли здравого смысла и при этом жить нагло и самодовольно, куда свободнее обычных людей.

Первый — это те, кто с рождения находится в положении, где они отдают приказы и устанавливают правила. Находящиеся в таком положении, будь они развратными тиранами или мудрыми и справедливыми правителями, не обязаны знать обыденные вещи. Все мирские мелочи они могут не понимать и не ведать, ведь с самого рождения всё уже было устроено за них. Более того, такая забота и привилегии часто длятся всю жизнь. Поэтому такие люди, даже ничего не зная, могут стать выдающимися, возвыситься над другими, и, будь они праведными или злыми, светлыми или тёмными, хорошими или плохими, всё равно оставят след. Это их врождённая судьба.

Второй — это те, кто преуспел в какой-то области. Когда ты достигаешь вершины в одном деле, никто не требует, чтобы ты в других областях мыслил как обычный смертный. Шаг вперёд — гений, шаг назад — дурак.

Фань Сяо, глядя на двоих перед собой пронизательными глазами, выдавшими многое, с отвращением оглядел их с ног до головы, туда-сюда — этих мастеров боевых искусств, которые даже не понимали и не воспринимали всерьёз маскировку.

Тан Шаотан, благодаря прозвищу «Вопрошающий об именах», мог бы с натяжкой отнести ко второму типу.

А А Цзю... Он не мог понять, к какому из двух типов тот относится. Он склонялся к тому, что А Цзю, скорее всего, просто избалованный дурачок. Любит делать из мухи слона, а дай ему палец — он всю руку откусит.

Он невольно с тревогой подумал: так далеко не уедешь.

Его брат тоже был таким простаком, попал в чужие сети, и в итоге...

Фань Сяо вытер слегка покрасневший уголок глаза, отряхнул мрачные мысли и сказал себе: месть ещё не свершилась, нужно держаться.

Но кто-то легко потрепал его по голове и, наклонившись, спросил:

— Уже до слёз довёл?